

ФИГУРА АНАЛЕПСИСА В РОМАНЕ А. ПЕЛЕВИНА «ПОКРОВ-17»

В.А. Близнюк

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

Рассматривается постмодернистский роман А. Пелевина «Покров-17», который характеризуется сложной нарративной структурой, образуемой системой встроенных повествований и параллельно разворачивающихся отдельных нарративных линий, а также жанровым эклектизмом. Анализируются включенные в роман документальные вставки, которые представлены первичными речевыми жанрами протокола, допроса, отчета, доклада, дневника эксперимента, приказа и т. д. Все вставные жанры находятся в «прошедшем» по отношению к основной нарративной линии и мотивируют ввод нарративной фигуры аналепсиса метадиегетическим нарративом; аналепсисы в романе не только участвуют в построении нарратива, но и формируют нарративную интригу постмодернистского детектива с элементами научной фантастики.

Ключевые слова: аналепсис, нарратив, первичные речевые жанры, нарративная мотивировка, постмодернизм, детектив.

Постмодернистский роман А. Пелевина «Покров-17» характеризуется сложной нарративной структурой, образуемой системой встроенных повествований и параллельно разворачивающихся отдельных нарративных линий. В нашем исследовании мы задались целью показать специфику нарративной и жанровой стратегии романа, так как основной проблемой исследования видим определение функций нарративной фигуры аналепсиса в этом произведении.

Для начала кратко опишем сюжет романа А. Пелевина «Покров-17». Из-за загадочных событий, происшедших во время Великой Отечественной войны в поселке Недельный, в 1981 г. на том же месте возникла полностью засекреченная зона, давшая название роману. На территории этой зоны располагается научно-исследовательский институт, который занимается как изучением, так и контролем аномальных явлений, происходящих здесь и потенциально опасных для внешнего мира. Осенью 1993 г. журналист и писатель Андрей Тихонов получает задание написать репортаж об этой местности и отправляется собирать материал для расследования в близлежащие поселения, однако ввиду странных обстоятельств он оказывается внутри засекреченной зоны «Покров-17» и пытается оттуда выбраться. В финале Тихонов приближается к разгадке тайны Покрова-17: он понимает, что попал сюда не случайно и лишь в его силах уничтожить Покров-17 и зло, которое порождает эта местность.

Ж. Женетт выделяет две категории художественного времени — время истории и время повествования [2, с. 72]. Первую по-другому в современной нарратологии называют диегетическое время, то есть время излагаемых событий. По замечанию А.Е. Ефименко, оно может включать от одной до трех временных граммем: «настоящее», «прошедшее», «будущее» персонажей [1, с. 37-38]. Чтобы охарактеризовать нарративную стратегию романа А. Пелевина, мы

определили внутридигетические темпоральные отношения между этими тремя временными граммемами.

В композиции наррации романа вслед за каждым блоком эпизодов, состоящим из диалогических и недиалогических сцен и развертывающимся в «настоящем персонажей», следует вставная конструкция из «прошедшего персонажей» или «будущего персонажей», представленная тем или иным речевым жанром. Наррация романа А. Пелевина «Покров-17» построена как многоплановая цепь эпизодов, которая формирует четыре параллельные линии нарративной истории.

В «настоящем персонажей» разворачивается первая, или основная, нарративная линия, события которой территориально разворачиваются в закрытом административно-территориальном образовании Покров-17 в Калужской области с 21 сентября по 4 октября 1993 г. Повествование на первом нарративном уровне ведется от лица главного героя Андрея Тихонова и представляет собой внутренний монолог, рассказ в форме потока сознания о текущих событиях.

К «настоящему персонажей» в романе А. Пелевина добавляется еще одна грамма — «прошедшее персонажей», представленная двумя параллельно разворачивающимися нарративными линиями. Вторая, или, как мы ее назвали, документальная нарративная линия в «прошедшем персонажей», — это линия из вставных первичных речевых жанров, в которых повествование ведется от лица героев истории.

Третья нарративная линия также разворачивается в «прошедшем персонажей», однако читатель узнает об этом позднее: роман Андрея Тихонова «На Калужский большак» оказывается неосознаваемым героем-автором воспоминанием. Повествование, соответственно, ведется от лица автора романа Андрея Тихонова.

Грамма «будущее персонажей» актуализируется на четвертом нарративном уровне: эта нарративная линия представляет собой историю мальчика Саши и его дедушки Василия Георгиевича Селиванова (главный герой «невыдуманного» романа Андрея Тихонова «На Калужский большак»). Она начинается 21 сентября 1993 г. и заканчивается 9 мая 2019 г. Повествование в четвертой нарративной линии ведется от безличного нарратора.

Наше внимание было направлено на многочисленные включенные в роман документальные вставки, которые представлены первичными речевыми жанрами протокола, допроса, отчета, доклада, дневника эксперимента, приказа и т. д. Все вставные жанры находятся в «прошедшем» (по отношению к основной нарративной линии), являются аналепсисами.

Аналепсис — это нарративная фигура «оглядывания назад» [5, с. 120], употребляемая в наррации многочисленных художественных произведений. Термин «аналепсис» введен в теоретическую нарратологию в 1972 г. Ж. Жеттом в исследовании «Повествовательный дискурс». В российской нарратологии наиболее исчерпывающе фигура аналепсиса, ее типы, мотивировки и функции описывается в диссертации А.Е. Ефименко «Фигура аналепсиса и по-

рождение наррации» [1]. В нашем исследовании мы опираемся на его классификацию мотивировок, обеспечивающих ввод этой нарративной фигуры в художественный текст.

Итак, особенностью аналепсисов в романе А. Пелевина является то, что их ввод в наррацию мотивируется, в терминологии А.Е. Ефименко, метадиегетическим нарративом [1, с. 132-140]. Метадиегетический нарратив — это нарратив в нарративе, «повествования, осуществляемые тем или иным персонажем» [1, с. 138]. Особенностью метадиегетического нарратива является то, что рассказ может быть дан не только в речи персонажа, но и в виде всех возможных вставных первичных речевых жанров. Так, в романе А. Пелевина мы найдем много примеров, когда аналепсис мотивирован письменным или печатным, т.е. неустным, нарративом.

Мотивировки вводом в наррацию письменного метадиегетического нарратива в романе сочетаются с другими мотивировками. Как отмечает А.Е. Ефименко, «мотивировки по самой своей природе являются синтагматическими категориями: они непременно подразумевают, что в тексте некий член А вызывает в тексте появление члена В — или сразу после А, или на некотором текстовом расстоянии от него» [3, с. 301].

Продемонстрируем на примере первого вставного документа механизм ввода аналепсиса в наррацию романа. После эпизода, в котором Андрей Тихонов впервые сталкивается с наступлением «абсолютной темноты», с «Черным Покровом», как эту аномалию называют местные, основная нарративная линия прерывается «документальной». В диегесис вводится документ №1 (Д1), озаглавленный «Из материалов к пособию по экспериментам в условиях абсолютного поглощения светового потока», также в заголовочно-финальном комплексе указано учреждение, внутри которого был создан документ («Научно-исследовательский институт аномальных световых явлений ЗАТО «Покров-17»»), а также фамилия составителя, его должность и дата написания («Зав. архивом НИИ аномальных световых явлений Старший научный сотрудник ГОНЧАРОВ И.И. 25.07.1988»). После документального фрагмента повествование вновь возвращается в «настоящее» и главный герой не понимает, что с ним произошло, каковы причины появления «абсолютной темноты», ее особенности для него остаются невыясненными.

Однако читатель по воле нарратора знакомится с документом, представляющим собой первичный речевой жанр пособия. Пособие по экспериментам — это первичный речевой жанр учебно-методической литературы, представляющий собой практические рекомендации к научной работе в условиях эксперимента. Материалы к пособию включают теоретическую часть, с которой исследователю необходимо ознакомиться, прежде чем приступить к эксперименту. Содержательно этот документ объясняет читателю с научной точки зрения (разумеется, «научной» в мире романа) явление абсолютного поглощения светового потока (АПСП), его основные признаки, причины возникновения

(неизвестны), историю возникновения аномального явления на территории «Покрова».

Д1, как и все документальные вставки, — это аналепсис. Охарактеризуем его: это аналепсис-пауза среднего размера, акториальный (т.к. указан автор документа — Гончаров И.И.), сочетающий сингулятивный (раздел «ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АПСП НА ТЕРРИТОРИИ ЗАТО «ПОКРОВ-17») и итеративный (разделы о признаках, причинах возникновения и связи с Объектом-1 АПСП) типы, дальний, внешний частичный.

У аналепсиса, представленного Д1, есть две мотивировки ввода в нарратив. Первая — это диегетическая мотивировка аналепсиса вводом письменного метадиегетического нарратива. Эту мотивировку можно назвать формальной, так как именно форма — вставной текст, письменный документ о «прошедшем персонажей» — мотивирует ввод аналепсиса. Вторая мотивировка располагается на основном уровне нарратива. Наррационный блок А («Приезд Тихонова в Покров-17, три убийства и встреча с Капитаном») состоит из нескольких сцен, одна из которых — диалогическая сцена, в которой Тихонов и Капитан едут в научно-исследовательский институт. Во время этой сцены главный герой впервые переживает Черный Покров, и это событие выступает диегетической мотивировкой, вводом референта-события для последующего включения в нарратив аналептического компонента Д1.

Из вставного документа №1 (Д1) читатель узнает важные для истории подробности — не только о явлении абсолютного поглощения светового потока (АПСП) — хаотически наступающей временной темноте, которая способна поглощать свет и звуки, но и об образовании «Покрова-17» как закрытой засекреченной территории с исследовательским институтом.

Использование в романе документальных текстов в качестве вставных не случайно. Документ и художественное произведение подразумевают разные режимы восприятия текста, то есть разные модусы прочтения, отсылают к разным навыкам понимания и задают разные режимы читательской и авторской идентичности. Установка на фактуальность, а также определенные трафареты, устойчивые формы словесного овладения действительностью того или иного документального жанра формируют определенные жанровые ожидания у читателя: читатель понимает, что документам можно безоговорочно доверять. Это становится особенно важным в научно-фантастическом тексте А. Пелевина, так как произведения этого жанра стремятся к обоснованию фантастического как реального.

Главная функция документальных вставок в романе — нарративообразующая. В романе повествование организуется всеведущим вездесущим нарратором, который выходит за рамки определенной пространственной и временной точки зрения. За счет специфической модели построения нарратива с включением в нее отдельной линии, состоящей из первичных речевых жанров, мотивирующих ввод аналепсиса, нарратор ставит и читателя в положение всеведущего наблюдателя. В романе «Покров-17», таким образом, центральные отно-

шения — отношения нарратор-читатель, так как активность нарратора заключается в том, чтобы создать нарративную интригу, сначала «запутать», а затем «распутать» сюжет и привлечь читателя к ведущемуся в книге расследованию. Активность читателя определяется его готовностью к разгадыванию.

Нарративная интрига чрезвычайно важна в жанровой стратегии произведения. В жанровом отношении роман А. Пелевина «Покров-17» — открытая множеству различных жанровых кодов структура. В качестве магистральной жанровой парадигмы, на наш взгляд, используется детективная парадигма. Также в романе присутствует особая, заданная детективным жанром так называемая «уликовая» парадигма (К. Гинзбург) — специфический познавательный метод, позволяющий реконструировать представление о предположительном, интуитивном целом на основании определенных «улик», «признаков», «косвенных данных». «Уликовая» парадигма реализуется в романе на метадиегетическом уровне в виде вставных первичных речевых жанров — многочисленных документов, которые нарратор адресует читателю.

Детективная канва — это основа сюжета, но она строится на фантастическом допущении. Важная презумпция классического детектива — презумпция познаваемости, которая позволяет читателю быть уверенным в том, что сюжетная и эмоциональная напряженность разрешатся к концу повествования понятным способом. Центральная тайна романа А. Пелевина «Покров-17» снимается не с помощью детективной жанровой модели — она не способна объяснить фантастическое в произведении, а с помощью научно-фантастических жанровых стратегий, допускающих использование реально существующих в науке теорий, идей и образов в художественных целях.

Чтобы объяснить аномалии Покрова-17, в роман вводится научная идея из области квантовой физики, способная связать реальность и фантастику, факт и вымысел. Физик Фрэнсис Эверетт предложил концепцию о множественности миров. В основе концепции Эверетта лежит допущение, что различные возможные результаты измерений соответствуют различным мирам, и каждый раз, когда результаты измерений расходятся, происходит ветвление истории вселенной, при этом количество новых развилок совпадает с количеством возможных результатов. Любой возможный исход ситуации реализуется в альтернативных проекциях.

Граница между мирами в романе не пространственная, а временная. Вследствие «сильнейшего сопряжения боли, страха и смерти в одной конкретной точке времени и пространства, которое называют Объектом» [4, с. 268], образовался новый мир — параллельная физическая реальность, как бы аномально застывшая во времени и порождающая необъяснимые явления. Селиванов-Тихонов ввиду странных обстоятельств переместился из одного мира в другой (день смерти Селиванова — день рождения Тихонова — день образования Покрова-17). После того как в финале романа миропорядок восстанавливается, параллельный мир перестает существовать, равно как перестает существовать и победивший страх смерти Селиванов-Тихонов.

Постмодернистская игра с маркерами различных жанров позволяет А. Пелевину осуществить уникальное жанровое решение и создать, по выражению Ц. Тодорова, «собственный жанр» [4, с. 36].

Таким образом, фигура аналепсиса — это сильный нарративопорождающий прием, «двигающий» сюжет. Аналепсисы в романе А. Пелевина «Покров-17», мотивированные документальными первичными речевыми жанрами (метадиегетическим нарративом), не только участвуют в построении нарратива, но и за счет жанровой информации формируют определенные жанровые ожидания; адресуются читателю для корректного воссоздания причинно-следственных цепочек, составляющих историю; участвуют в формировании нарративной интриги постмодернистского детектива с элементами научной фантастики.

Список литературы

1. Ефименко А.Е. Фигура аналепсиса и порождение наррации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2022. 239 с.
2. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры. Т. 2. / пер. с франц. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1998. С. 60-280.
3. Пелевин А. Покров-17. М.: ИД «Городец», 2021. 304 с. (Книжная полка Вадима Левенталя)
4. Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллект. кн., 1999. 143 с.
5. Тюпа В.И. Лекции по неклассической нарратологии. Torun, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 194 с.

Об авторе

Близнюк Вероника Александровна — магистрант 1 года обучения направления подготовки «Филология», профиль «Отечественная филология в междисциплинарном контексте», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: veronika.bliz@mail.ru.